

© А.И. Громова

**Рецензия на книгу: Керн Л.
Феминистский город. Полевое
руководство для горожанок.
М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
256 с.**

...наш гендер — это то отличие, которое по-настоящему имеет значение.

«Феминистский город». С. 10.

В феминистском городе барьеры — физические или социальные — должны быть разрушены, любые тела должны приветствоваться, а их потребности — учитываться.

«Феминистский город». С. 193.

Лесли Керн — канадская феминистка, гендерная исследовательница и урбанистка. В настоящее время она работает в Университете Маунт Аллисон (Mount Allison University) в г. Саквилл (Канада), где руководит программой женских и гендерных исследований и является профессором кафедры географии и окружающей среды.

Одна из магистральных идей книги Л. Керн «Феминистский город. Полевое руководство для горожанок» состоит в том, чтобы показать (вполне очевидное, казалось бы, обстоятельство, которое тем, не менее, мы сами настолько привыкли воспринимать как должное, что даже не замечаем): урбанистическая среда выстроена так, «чтобы поддерживать формат патриархальной семьи, гендерно-специфические рынки труда и традиционные гендерные роли» (С. 19). Важнейшая задача, которую ставила перед собой Керн, состояла

Громова Анна Игоревна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. anna4gromova@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-5628-8750>

Рецензия написана в рамках плана НИР ИЭА РАН.

Для цитирования: Громова А.И. Рецензия на книгу: Керн Л. Феминистский город. Полевое руководство для горожанок. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023 // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 259-265. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/259-265>

в том, чтобы донести до читателя (как она сама говорит в интервью), «что традиционная нуклеарная семья — отнюдь не единственный образ жизни, которого придерживаются взрослые люди, и на разных этапах жизненного пути все может меняться. Политика, которая у нас сложилась, типичное жилье, которое строят во многих городах, рассчитаны исключительно на людей, которые переходят из категории одиноких взрослых в парные союзы и рожают детей. Мы даже не задумываемся над тем, что жилье можно проектировать с расчетом на более широкий спектр планировки, характера отношений и типов семьи» (Михантьева 2023).

По стилю и содержанию «Феминистский город» расположился где-то на границе между автоэтнографическим эссе и академическим исследованием. Однако в тексте присутствует довольно обширный научный аппарат, который ориентирует читателя в новейших публикациях по широкому спектру тем (от женской истории XIX в. до современных работ по феминистской урбанистике), и этим издание представляет безусловную академическую ценность. Культурно-антропологические работы подобного рода необходимы и гендерным исследователям, и социологам, и социопсихологам, и урбанистам, а также — в широком смысле — всем тем, кто изучает город. Пространство города формировалось и до сих пор формируется мужчинами (теми самыми белыми цисгендерными мужчинами из среднего класса, о которых множество раз упоминает Керн); поэтому так важно донести «женскую повестку», женский взгляд на городское планирование, чтобы облик городов создавался исходя из женских потребностей — и именно издание таких работ, как «Феминистский город», помогает женским голосам быть услышанными.

Нельзя не отметить, что содержание книги по тематике и спектру затронутых проблем во многом пересекается с исследованием Кэролайн Криадо Перес «Невидимые женщины» (Криадо Перес 2021) — Керн в своем «Феминистском городе» развивает тему той самой женской «невидимости», о которой писала Перес. Как я уже упоминала, «Феминистский город» не является строго академической работой — думаю, автор и не задумывала свой текст таковым. Подзаголовок издания «Полевое руководство для горожанок» может в некотором роде ввести в заблуждение, потому что именно «гидом» для читателя эта книга вряд ли станет (в издании практически нет конкретных советов о том, как сделать город удобным для женщин). Это скорее рассуждения о женщинах, сестринстве, материнстве, дружбе и взрослении, об отношениях с мужчинами и страхе перед ними, о теле и старении, о становлении личности и жизни в мегаполисе, о работе, об активизме, борьбе и насилии, во многом основанные на опыте самой Керн. Структурно книга поделена на главы с соответствующими названиями, которые отражают разные виды взаимодействия женщин с городом через призму личного опыта автора («Город мужчин», «Город матерей», «Город подруг», «Город на одного», «Город протеста», «Город страха» и «Город возможностей»). Нельзя не отметить, что апелляция к собственному опыту имеет безусловную эвристическую ценность для исследования в русле феминистской антропологии. Поэтому критический формат рецензии здесь, на мой взгляд, исключен: иначе мне пришлось бы критиковать личный опыт автора. Кроме того, я глубоко убеждена в том, что любая книга, цель которой состоит в продвижении инклюзии (которой так не хватает современному российскому обществу), представляет несомненную ценность — исследовательскую, практическую и гуманистическую.

Книга Керн представляет собой скорее «полевое исследование» телесного опыта автора в пространстве города, а не города как такового. Фактически это разговор о жизни в городе, который она ведет «через» свое тело. Манифестация безусловной важности вовлечения собственного телесного опыта для феминистских исследовательниц, урбанисток, градостроительниц и архитекторов проходит сквозь весь текст. Женское тело, который Керн прямо называет «материалом», в сущности и является главным источником для написания этого текста. Тела и город неразрывно срастаются, однако женщины не всегда становятся функциональной, «желательной» частью этого организма. «Тела женщин все еще воспринимаются как источники или симптомы городских проблем» (С. 14), — утверждает Керн. «Твое тело — это поле битвы», — в свою очередь, манифестирует Барбара Крюгер. Плакат с этим лозунгом был создан художницей в 1989 г., в год моего рождения, в поддержку марша против запрета аборт в Вашингтоне. Прошло больше тридцати лет, а репродуктивные права женщин все так же под угрозой: копии этого изображения в 2020 г. расклеивали на улицах польского города Щецин в качестве протеста против принятия жестких антиабортных законов (см.: *Dinsdale 2020*).

Керн пишет с откровенностью и подкупающей искренностью, которые не могут не вызвать эмпатию. В целом эмоции, полученные при чтении книги, я могу сравнить с чувствами, которые испытываешь при разговоре со старшей, более опытной и образованной подругой или родственницей, которая заботится о тебе и хочет предостеречь, а не назидательно научить, «как», потому что знает лучше. Стиль «Феминистского города» не может не породить саморефлексию: читатели (а, скорее всего, читательницы, будем откровенны) при знакомстве с книгой неизменно будут раз за разом возвращаться к опыту собственной телесности — в контексте города в том числе. Поэтому я не могу представить себе рецензию на эту книгу без обращения к тому, что я пережила, будучи молодой женщиной, и без соотнесения с опытом проживания в российском социокультурном и информационном пространствах.

Конечно же, Керн упоминает и о колясках, которые не влезают в общественный транспорт, и о тротуарах, не приспособленных для прогулок с маленькими детьми, и о непродуманности городских маршрутов для работающих матерей. Однако в целом она задается более глубоким и важным вопросом: почему женщины, выполняющие такие важные для общества функции, как вынашивание, рождение и воспитание детей, остаются либо невидимыми, либо (наоборот) слишком заметными и при этом нежелательными (Керн пишет, что ее тело во время беременности стало буквально «неудобным» для окружающих) и обременительными (когда женщина занимает слишком много места детской коляской, или когда кормит ребенка в общественном месте, или когда младенец плачет в ресторане). «Как бы выглядели города, если бы их проектировали матери?» — цитирует она вопрос архитекторки Кристин Мюррей, автора статьи с аналогичным названием (С. 54).

В книге два основных персонажа, два актора: это женщина и город, которые в перформативном процессе гендерной борьбы пытаются определить, кто здесь актер первого плана, а кто — статист или массовка; в этом противостоянии с «городом мужчин» (порой почти невидимом и пассивном, порой демонстративном и жестоким) женщина старается отстоять свое право занимать пространство и доказывать свою субъектность; город же стремится

отодвинуть ее назад к объектному статусу, указать ей ее место или, наоборот, показать, что этот город на самом деле не для женщин (С. 20).

Керн заявляет, что разговор о феминистском городе нужно начинать не с «теории или политики городского планирования», а с (цитируя поэтессу Адриенну Рич) ««самой близкой географии»: с тела в повседневной жизни» (С. 17). Разумеется, Керн отвергает эссенциалистское понимание того, что значит быть (или считаться) женщиной, характеризуя категорию «женщина» как «динамичную и постоянно меняющуюся». Керн отмечает: «Мой гендер — больше, чем мое тело, но мое тело — это то, посредством чего я переживаю опыт, где моя идентичность, история и места, где я жила, встречаются, взаимодействуют и оставляют свой отпечаток на моей плоти» (С. 18). Пространство города неотделимо от тела (мое тело — «это пространство, из которого я пишу», говорит Керн). И действительно, ее исследование очень физиологично. Она говорит не столько о том, как она изучает город, а о том, как она «переживает» город посредством своего тела (что, надо полагать, для автора одно и то же, и такая исследовательская позиция мне очень близка). Могу предположить, что для Керн это своего рода теоретическая рамка, особый подход к исследованию городского пространства, который она использует наравне с феминистской методологией в целом и интерсекциональным анализом — в частности.

Город, каким он предстает перед нами в книге, — это «патриархат, воплощенный в камне, кирпиче, стекле и бетоне», в границах которого «гендерные роли «окаменели в бетонном выражении пространства»» (С. 50). Он наполнен фаллическими фрейдистскими символами, метафорами и фантазиями мужского сексуального доминирования и власти. Керн утверждает, что пространство города неотделимо от тела, и при чтении книги возникает желание сравнить то, что происходит в современном урбанистическом мире, с боди-хоррором: человек теряет контроль над собой, его тело трансформируется, искажается под давлением и властью мегаполиса, плоть срастается со сталью, стеклом и бетоном.

Контроль, страх, власть, вина, ограничения, насилие, исключение, игнорирование, жестокость, уязвимость, незащитность — слова-маркеры, которые встречаются в тексте с вполне закономерной периодичностью. Конечно, Керн много пишет о страхе женщин перед ночным городом, перед насилием как тем, что может таиться в неосвещенных переулках («мы на самом деле отчасти верим, что “наше изнасилование” уже где-то там, неотвратно ожидает нас в тени» (С. 192)), и город предстает перед нами как огромное мифическое чудовище, которое поднимается во весь исполинский рост, готовое накрыть женщину своей тенью и поглотить ее. Одним из аспектов моего собственного диссертационного исследования является изучение повседневной жизни столичных горожанок периода поздней Российской империи. Когда я работала с архивными источниками личного происхождения, периодикой, публицистикой и художественной прозой, оставленными и созданными женщинами, я встречала отражение тех же чувств, тех же страхов, тех же эмоций, о которых пишет Керн. Молодая женщина, приехавшая в начале XX в. в Санкт-Петербург в поисках заработка и в надежде скрыться там от патриархального диктата (мужа, отца или брата), оказывалась незащитной перед властью, произволом и насилием со стороны мужчин: сбежав из дома в поисках сво-

боды, она оказывалась под полным контролем государства (если женщина становилось «падшей», она получала клеймо в виде желтого билета и буквально попадала в тотальную зависимость от врачебно-полицейских комитетов по надзору за проституцией). Нарратив о страхе перед насилием и жестокостью, таящимися в ночном городе, о котором говорит Лесли Керн, живущая в условно благополучной Канаде, практически идентичен повествованиям женщин начала прошлого века, которые я анализировала. То же множество раз приходилось пережить и мне самой, живущей в России сейчас. Страх — это неотъемлемая часть жизни женщины, чувство, укоренившееся настолько прочно, что его сложно отрефлексировать, отделить от «рутинных» эмоций и перестать воспринимать как должное. Приведу стандартный пример: думаю, большинству жительниц больших городов знакома ситуация, когда внутри все сжимается от тревоги и неприятного предчувствия, когда в полупустой вагон метро входит нетрезвый мужчина, и ты понимаешь: если ему и придет в голову к кому-нибудь подсесть, то это наверняка будешь ты (молодая женщина, которая едет одна). Ты — его первая мишень.

Для российского читателя (даже если он вырос, например, в столице, но хотя бы однажды выезжал за ее пределы) не будет секретом, что развитая инфраструктура, прекрасно налаженная система городского транспорта, такси в любое время дня и ночи, туалеты для инвалидов (или просто приличные общественные уборные), оборудованные для колясок пандусы, ночное освещение и т. д. — это привилегии, доступные только жителям Москвы, Санкт-Петербурга и еще нескольких (десятков?) крупных городов. Я уже много лет живу в столице, но приехала туда из маленького провинциального города, о безопасном перемещении по которому после того, как переставал ходить общественный транспорт (примерно после 22.00), не могло быть и речи. Когда я, будучи старшеклассницей и позже — студенткой университета, приехавшей на каникулы, возвращалась домой из центра города на окраину, где жили (и живут) мои родители, мне приходилось вытерпеть по меньшей мере 20 минут концентрированного страха: пройдя более или менее освещенный центр города, я попадала на отрезок пути, который представлял собой обочину дороги без тротуара и фонарей, а от фар каждой проезжающей мимо машины сжималось сердце (а что если она вдруг остановится, что может сделать со мной водитель? — конечно, это априори был мужчина). Я помню это чувство до сих пор. Тот факт, что за все это время со мной ничего не случилось, я искренне считаю настоящим чудом. Практически та же ситуация сохраняется до сих пор, спустя почти 15 лет, — разве что на этом участке дороги появились редкие, мигающие рассеянным светом фонари. Стоит ли здесь рассуждать о безопасной для женщин городской среде за пределами столичного мегаполиса?

В процессе чтения книги меня особенно поразило то, что автор пишет о связи контроля, городского/домашнего пространств и частного и публичного насилия. Керн анализирует такое понятие, как «парадокс женского страха» (С. 189–193): женщин с детства учат бояться незнакомцев, ночных улиц, неосвещенных переулков (т. е. общественных пространств) как мест, где они с наибольшей вероятностью могут столкнуться с насилием, в том числе сексуализированным. Этот страх подкрепляется СМИ и кинематографом, которые тиражируют истории о жестоких преступлениях, совершенных в отношении женщин незнакомыми мужчинами в ночном городе. При

этом случаи домашнего насилия, насилия над детьми, сексуализированного насилия, совершаемого родственниками, партнерами или знакомыми, так широко не освещаются, хотя являются намного более распространенными¹ (на примере российского информационного пространства могу отметить, что предаются огласке в СМИ в основном только очень громкие дела, такие как, например, дело сестер Хачатурян). Этот тиражируемый страх насилия со стороны незнакомцев заставляет женщин искать помощи и защиты внутри частного пространства, перенаправляя свою энергию в нуклеарную семью, в «безопасное» место, где как раз и существует больший риск быть избитой и изнасилованной, чем в «темном переулке». Керн резюмирует: «Это базовая идея из женских исследований, но ее стоит повторить: общественная функция женского страха — это контроль над женщинами. Страх ограничивает жизни женщин. Он ограничивает наше использование общественных пространств, формирует наши решения относительно работы и других экономических возможностей и удерживает нас в, вероятно, по-настоящему *парадоксальном* (курсив авт.) положении зависимости от мужчин в качестве защитников» (С. 193).

К слову, когда «рядовые» случаи домашнего насилия попадают в новостную ленту, освещаются в СМИ они зачастую в достаточно мизогинном (а порой даже несколько юмористическом) ключе. Повсеместно встречаются такие заголовки (опубликованные как на центральных, так и на региональных информационных порталах), как, например: «На юге Москвы мужчина ударил ножом свою возлюбленную и покончил с собой»; «В ходе ссоры в Ростовской области мужчина едва не убил возлюбленную»; «В Петербурге женщина оказалась в больнице после ссоры с возлюбленным»; и мн. др. Текст, в котором в одном предложении помещены слово «возлюбленная» и формулировки, связанные с актом насилия, легитимизирует проявление жестокости по отношению к женщине, тем самым будто бы призывая читающих воспринимать описанные события просто как ссору двух любящих друг друга людей и «не видеть ничего необычного»². Очевидно, нашему обществу нужен феминистский язык или — хотя бы — нейтральная подача новостей такого рода в СМИ³.

Судя по обзору рецензий и откликов на книгу от русскоязычных читательниц в интернете, одной из основных претензий к ней является невозможность соотнести свой опыт с опытом жительниц Канады (которой Керн по очевидным причинам уделяла наибольшее внимание в своей книге), так как городское планирование, общество, социокультурная среда, структура власти, экономика и многое другое в России кардинально отличаются от ситуации в этой стране. Конечно, с этим трудно не согласиться. Однако большинство

¹ Если говорить о ситуации в РФ: по данным Центра «Сестры», «в 94% случаях пострадавшими (от сексуализированного насилия. — А.Г.) становятся девочки и женщины; в 80% случаев насилие совершают знакомые; в 40% случаев насилие совершают родственники» (см., напр.: Ефимова 2021).

² «Происходит подмена понятий — и это часть государственной политики. Нам говорят, что насилие в семье — это нормально, это внутреннее дело, это ссоры. А насилие в обществе — не насилие, а обычные отношения. Не хочешь насилия, сиди дома» (см.: Ефимова 2021).

³ Стандартное освещение такого рода новостей может выглядеть так: «Во время конфликта мужчина сначала несколько раз ударил возлюбленную молотком по голове, а затем нанес ей удар ножом в шею» (Новикова 2022).

проблем и тем, которые поднимала Лесли Керн в «Феминистском городе», я бы условно назвала универсальными. Мне как ученому и жительнице российского мегаполиса многие из них были близки и понятны, некоторые из них я могла бы назвать «триггерными».

Литература

Ефимова Л. Почему насилие — сексуализированное, но не сексуальное? Рассказывает Центр «Сестры». 25.11.2021. URL: <https://nuzhnapomosh.ru/media/post/pochemu-nasilie-seksualizirovannoe-no-ne-seksualnoe-rasskazyvaet-centr-sestry>

Криадо Перес К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных. М.: Альпина Паблишер, 2021.

Михантьева М. «Продолжают завоевывать пространство»: как женщины меняют образ жизни и облик городов // Forbes Woman. 25.04.2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/488274-prodolzaut-zavoevyvat-prostranstvo-kak-zensiny-menaut-obraz-zizni-i-oblik-gorodov>

Новикова Е. Россиянин ударил сожительницу молотком по голове и закопал ее тело у дома // Lenta.ru. 01.11.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/01/pankovka>

Dinsdale E. Barbara Kruger Artworks Plastered on Polish Streets in Pro-Choice Protest // Dazed. 15.12.2020. URL: <https://www.dazeddigital.com/art-photography/article/51421/1/barbara-kruger-artworks-plastered-on-polish-streets-in-pro-choice-protest>

Book Review

Gromova A. I. Book review: Kern L. *Feministkii gorod. Polevoe rukovodstvo dlia gorozhanok* [Feminist City: A Field Guide]. Ad Marginem, 2023. 256 p. // *Антропологии / Anthropologies*, 2023, no 2, 259-265. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/259-265>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Gromova A. I. | anna4gromova@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-5628-8750> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, junior researcher

